

MVHVΛV: к интерпретации тосканской эпитафической надписи

Д. В. Вальков

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
valkovdv@yandex.ru*

Аннотация. Целью настоящего исследования является реинтерпретация содержания и исторического контекста имеющейся в средневековом тосканском эпитафическом материале надписи MVHVΛV. Структура военно-политических и культурных контактов Тосканы в VIII – первой половине XII веков, а также ряд возражений, связанных с михаэлической интерпретацией, обуславливают возможность реинтерпретировать надпись MVHVΛV на основе коранического субстрата: как передачу латинской графикой коранического восклицания mā šā' Allāh. Надпись MVHVΛV, равно как и памятники исламской арабографической эпитафики X–XII веков, встроенные в городское пространство христианской Пизы, приобретали в данной коннотации идеологическое, апотропическое и инвокативное значение.

Ключевые слова: Пиза, эпитафика, Коран, рецепция, интерпретация, Западное Средиземноморье

Для цитирования: Вальков Д. В. MVHVΛV: к интерпретации тосканской эпитафической надписи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3 (897). С. 9–16.

Original article

MVHVΛV: towards the Interpretation of the Tuscan Epigraphic Inscription

Dmitry V. Valkov

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
valkovdv@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the article is to reinterpret the content and historical context of the inscription MVHVΛV available in the medieval Tuscan epigraphic material. The structure of military-political and cultural contacts of Tuscany in the VIII – 1st half of the XII century, as well as a number of objections related to the Michaelic interpretation, makes it possible to reinterpret the inscription MVHVΛV based on the Quranic substrate: as a transmission through the Latin graphics of the Quranic exclamation mā šā' Allāh. The inscription MVHVΛV, as well as monuments of Islamic Arabographic epigraphy of the X–XII centuries, embedded in the urban space of Christian Pisa, acquired in this connotation an ideological, apotropaic and invocative meaning.

Keywords: Pisa, epigraphy, the Koran, reception, interpretation, Western Mediterranean

For citation: Valkov, D. V. (2025). MVHVAV: towards the interpretation of the Tuscan epigraphic inscription // *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(879), 9–16. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В средневековом эпиграфическом репертуаре, относящемся к пизанскому городскому пространству, особое место занимает пул из трех идентичных друг другу по содержанию надписей, различающихся строчной разбивкой и рядом особенностей дукта. Пизанский пул расширяется за счет трех надписей, происходящих из других городских центров Тосканы, – Барги и Пистойи. Таким образом, совокупный пул из шести достоверно известных надписей локализуется исключительно в тосканских центрах: в Пизе (три надписи), в Барге (две надписи), в Пистойе (одна надпись). Идентичные указанным надписи (или сходные с ними) не представлены в эпиграфическом материале как прочих апеннинских городских центров, так и городских центров других регионов средиземноморской и атлантической Европы.

Из статей М. Гвардуччи и О. Банти, опубликованных в 1959 и 1975 годах [Guarducci, 1959; Banti, 1995a], на основании сведений из рукописи луккского эрудита XVIII века Бернардино Барони (fol. 63r, пергаменный манускрипт смешанного содержания в фондах Правительственной библиотеки Лукки, Bibl. gov., ms. 896), в связи с луккской церковью Свв. Якова и Филиппа известно о еще двух надписях, идентичных тосканскому пулу по содержанию: на свинцовом ящике с мощами св. Понтиана и на мраморном блоке (достоверно утрачен), в предалтарной части церкви (решающие аргументы в пользу признания сведений Барони по существу недостоверными в настоящее время отсутствуют). Судьба, описание и интерпретация луккских надписей выступают предметом сомнений и разночтений, которые отражены в работах Дж. Арриги, М. Гвардуччи, О. Банти, Д. Пазини [Arrighi, 1968; Guarducci, 1959; Banti, 1995a; Banti, 1995b; Banti, 2000; Pasini, 2015].

Тосканский пул из шести надписей становится предметом исторического, палеографического и текстологического анализа с 50-х годов XX века. Анализируя палеографию надписи из пизанской церкви Свв. Космы и Дамиана и проводя параллели с копто-византийской рукописной практикой, М. Гвардуччи приходит к выводу о необходимости интерпретации надписи пизанского пула как группы греческих букв – МНΛ (контракция для Μιχαήλ), – разделенных интерпункционными знаками в виде

перевернутых треугольников и соседствующих с инвокативными крестами [Guarducci, 1959, с. 222]. Луккскую надпись на мраморе, воспроизводящую надпись на ящике с мощами св. Понтиана, перенесенными в Лукку из Рима, М. Гвардуччи датирует концом VIII века, определяя ее в качестве прототипа по отношению к тосканскому пулу и связывая ее происхождение (а равно и надписи на ящике с мощами св. Понтиана) с римской культурной средой понтификата Адриана I, когда были стабилизированы и упрочены канонические и культурные контакты Рима с византийским Востоком [Guarducci, 1959, с. 218–224]. Вопрос о том, была ли надпись на ящике с мощами св. Понтиана выбита в Риме до перенесения или в Лукке после перенесения в исследовании М. Гвардуччи не прояснен.

По мнению О. Банти, природа представленных тосканским пулом графических знаков – латинская, стратегия прочтения – сквозная; перевернутые треугольники между буквами МНΛ являются графическими инвариантами для латинского I (MIHILI), находящими подтверждение в лангобардском нумизматическом материале VII–VIII веков. О. Банти усматривает также корреляцию между графической формой L и аппенинским эпиграфическим материалом VI–VIII веков. Указанные детали позволяют исследователю говорить о прототипе рубежа VII–VIII веков (сформировавшемся в лангобардской среде), формула и графика которого воспроизводятся луккскими надписями рубежа VIII–IX веков, служащими в свою очередь источником текстовой модели и графики букв по отношению к тосканскому пулу. Луккские надписи и тосканский пул связываются О. Банти с культом Архангела Михаила на Апеннинах, являющимся, в частности, ключевым религиозно-политическим компонентом идеологии лангобардской государственности [Banti, 1995a, с. 29, 37].

После публикации статьи О. Банти вопрос об интерпретации тосканского пула приобрел статус решенного. Полностью повторяя аргументацию О. Банти, Д. Пазини стремится проследить причины и пути рецепции лангобардской текстовой модели и ее графической реализации существенно более поздней тосканской эпиграфической средой, к которой относятся шесть существующих надписей [Pasini, 2015, с. 23–24].

Обобщающая статья С. Викари и Ф. Пероно Каччафоко [Vicari, Perono Cacciafoco, 2023] не

содержит новых результатов интерпретации тосканского пула (луккские надписи остались вне поля зрения авторов). Авторы принимают в качестве наиболее достоверной интерпретацию О. Банти, дополняя ее палеографическими и нумизматическими экспликациями и указывая в качестве итогового прочтения MVHVΔV словосочетание MICHAEL ARCHANGELUS.

Целью исследования является реинтерпретация зафиксированной тосканским эпиграфическим материалом надписи MVHVΔV. Задачи исследования: с опорой на исторический, компаративный и системный методы предложить новое прочтение надписи в контексте военно-политических и культурных контактов Тосканы в VIII – первой половине XII века, а также – ее палеографический комментарий; рассмотреть культурно-историческое соотношение луккских надписей, упомянутых Барони, с тосканским пулом (в рамках системного метода); обозначить хронологические рамки тосканского пула (с использованием компаративного и системного методов).

Научная новизна статьи обусловлена, во-первых, отсутствием в рамках отечественных эпиграфических и кросс-культурных исследований как специальных работ, посвященных интерпретации и содержательному анализу тосканского пула, так и более широких обзоров, касающихся воздействия исламской арабографической эпиграфической практики и культурного континуума исламского мира на эпиграфику и пространство северо-итальянского города в раннем и центральном Средневековье. Во-вторых, отсутствием в зарубежных эпиграфических исследованиях новейших оригинальных работ, посвященных тосканскому пулу, а также некоторыми непроясненными дискуссионными положениями в немногочисленных более ранних работах. Практическая значимость статьи заключается в возможности использования приведенных в ней результатов и выводов в более широких медиевистических исследованиях, посвященных тосканской городской среде VIII–XII веков и роли военно-политических и культурных контактов в генезисе идеологии городской коммуны.

ПАМЯТНИКИ ТОСКАНСКОГО ПУЛА

Идентичные по содержанию надписи из Пизы, Барги, Пистойи имеют следующие характеристики. Во всех надписях высота букв не превышает 12 см; ширина букв варьируется от 6 см до 10 см.

Пиза, Баптистерий, надпись в одну строку, три слова, с внешней стороны на стене, слева от входа. $1 + MVHVΔV + MVHVΔV + MVHVΔV +$. М унциальная, округленная, Н унциальная, с округленным

боковым штрихом; визуализируется разметка строки; межбуквенное расстояние равно; соотношение высоты–ширины букв подквадратное.

Пиза, церковь Сан-Фреддиано, надпись в одну строку, три слова, на фасаде, на мраморном блоке, слева от портала центрального нефа [Banti, 2000, с. 42]. $1 + MVHVΔV + MVHVΔV + MVHVΔV +$. М унциальная, удлиненная, Н унциальная, со спрямленным боковым штрихом; визуализируется разметка строки; межбуквенное расстояние несколько увеличено в первом компоненте; соотношение высоты – ширины букв – подквадратное.

Пиза, Музей Сан-Маттео (плита относится к ансамблю несохранившейся пизанской церкви Свв. Космы и Дамиана), надпись на мраморной плите, в три строки, по одному слову в каждой строке, сверху, в составе более пространный коммеморативного текста [Banti, 2000, с. 41]. $1 + MVHVΔV + 2 + MVHVΔV + 3 + MVHVΔV [+]$. М – унциальная, округленная, Н – унциальная, с округленным боковым штрихом; визуализируется разметка строки в средней строке снизу; межбуквенное расстояние равно; соотношение высоты–ширины букв – подквадратное.

Пистойя, собор Сан-Пьер Маджоре, на фасаде, на мраморном блоке, на левом косяке центрального портала, надпись в три строки, по одному слову в каждой строке. $1 + MVHVΔV 2 + MVHVΔV 3 + MVHVΔV +$. Значительная рустификация дукта, М – унциальная, Н – унциальная, со спрямленным боковым штрихом; разметка строк не визуализируется; межбуквенное расстояние в третьей строке несколько сокращено; MV в первой и второй строке отделено более значительным интервалом, чем в третьей строке; соотношение высоты–ширины букв – подпрямоугольное; угол Δ в первой и второй строке более тупой.

Барга, церковь Сан-Кристофоро, на фасаде, на мраморном блоке, на правом косяке портала, надпись в три строки, по одному слову в каждой строке. $1 + MVH[V]ΔV 2 + MVHVΔV 3 + MV[H][V]Δ[V] +$. М унциальная, округленная, Н унциальная, с округленным боковым штрихом; разметка строк не визуализируется; межбуквенное расстояние равно; соотношение высоты–ширины букв – подквадратное.

Барга, церковь Сан-Кристофоро, на правом косяке портала северной стены, на мраморном блоке, надпись в три строки, по одному слову в каждой строке. $1 + M[V]HV[Δ]V 2 + MV[H]VΔV 3 + MV[H]VΔV +$. М унциальная, округленная, Н унциальная, с округленным боковым штрихом; разметка строк не визуализируется; во всех строках MV отделена большим межбуквенным расстоянием; соотношение высоты – ширины букв – подквадратное; в первой строке Δ существенно повреждена,

прослеживается нижний горизонтальный закрывающий штрих; Δ третьей строки при отсутствии повреждений имеет нижний горизонтальный закрывающий штрих.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ТОСКАНСКОГО ПУЛА

Аргументация О. Банти (равно как перекликающаяся с ней отчасти аргументация М. Гвардуччи) вызывает ряд возражений:

1. Если луккская надпись на свинцовом ящике с мощами св. Понтиана и копирующая ее надпись на мраморном блоке (обе упомянуты Барони), датированные О. Банти рубежом VIII–IX веков, восходят к лангобардскому прототипу луккского ателье рубежа VII–VIII веков, свидетельствующему о широком почитании Архангела Михаила в лангобардской церковно-политической среде, то почему идентичные надписи не прослеживаются в эпиграфическом материале ни одного другого значимого лангобардского центра (Чивидале, Милана, Павии, Фьезоле, Флоренции, Сиены, Ареццо, Виченцы, Пьяченцы, Сполето, Беневента)?

2. Если тосканский пул постлангобардского времени, согласно О. Банти, свидетельствует о почитании Архангела Михаила на Апеннингах и, шире, в средиземноморской и атлантической Европе, почему надписи связаны лишь со считанными тосканскими центрами, географически тяготеющими к Пизе, и отсутствуют в постлангобардском, франкском и позднейшем эпиграфическом материале внутренней Тосканы, других регионов Апеннин и Европы?

3. Прямое сопоставление нумизматического и эпиграфического дукта, произведенное О. Банти, не представляется корректным, однако, даже если допустить такую возможность, монетные пулы королей Ротари, Гримоальда, Куниперта, Ариперта, Лиутпранда, герцогов Сика, Адельхиза не позволяют говорить о передаче латинского I графической формой перевернутого треугольника [Wroth, 1911, с. 131–132, 133, 137, 138–139, 141, 142–144, 152, 164–166, 176–178, 183–186, 191, 192; Grierson, Blackburn, 2007, с. 320, 322];

4. Передача латинского I графической формой перевернутого треугольника не прослеживается в эпиграфическом материале готского, лангобардского, франкского и коммунального периодов на Апеннингах.

С учетом структуры военно-дипломатических и культурных контактов Тосканы в VIII – первой половине XII веков представляется рациональным предложить интерпретацию тосканского пула надписей и, косвенно, двух идентичных

надписей, упоминаемых луккским эрудитом Б. Барони, на основе коранического субстрата: MVHVΔV [mahala] – مَا شَاءَ اللَّهُ [mā šāʾ Allāh] ‘То, что пожелал Аллах’ (Аль-Кахф 18:39).

Слогу с фатхой مَا субстрата соответствует слог MV; звуковой последовательности с разделительной хамзой с фатхой ع, реализующей глухой гортанный взрывной, и آل, с васлированной хамзой, – слог HV с артикуляционно близким глухим глоттальным щелевым (с большой вероятностью восходит в озвучивании латинографической надписи к западнотосканской фонетической среде, где глухой глоттальный щелевой имеет тенденцию к наибольшему ослаблению, вплоть до полного исчезновения, что сближает его с гортанной смычкой); звуковой последовательности ه (из اللَّهِ с васлированной хамзой и ташидом) – слог ΔV, вобравший предшествующий ‘l’ вследствие фонетической близости ل в озвучивании в субстратной среде и общего для романских идиомов доминирующего строения слога C+V.

Таким образом, возможно говорить о достаточно точной передаче посредством латинской графики восклицания, восходящего к кораническому субстрату.

وَلَوْلَا إِذْ دَخَلْتَ جَنَّتَكَ قُلْتَ مَا شَاءَ اللَّهُ لَا قُوَّةَ إِلَّا بِاللَّهِ – Почему же ты, когда вошел в виноградник, не сказал: «Это то, чего возжелал Аллах, и нет мощи, кроме как от Аллаха»? (Пер. М.-Н. О. Османова).

Пизанский дукт буквы А коммунальной эпохи допускает графическую реализацию без поперечного штриха (Δ). В таком случае реверсивная реализация буквы А без поперечного штриха (V), зафиксированная в надписях тосканского пула, может быть обусловлена необходимостью избежать контаминации с соседствующей графической формой буквы L (Λ). Противопоставление между A (V) и L (Λ), а равно графикой буквы V, акцентируется добавлением горизонтального штриха вверх, что дает итоговую графическую реализацию буквы A в виде перевернутого треугольника. Принимая во внимание строго графические факторы, форму буквы L (Λ) необходимо объяснять стремлением к гармонизации с фланкирующими ее A (V): в этом отношении примечательна третья строка надписи на правом косяке портала северной стены церкви Сан-Кристофоро в Барге, где по ошибке резчика (или, менее вероятно, вследствие позднейшей конъектуры) Δ приобретает нижний горизонтальный закрывающий штрих, гармонизирующий графическую форму с фланкирующими ее V. Использование лангобардского монетного дукта в надписях тосканского пула представляется едва ли рационально обоснованным.

Без изобразительной или фотофиксации невозможно вводить в научный оборот две надписи (одну – на свинцовом ящике с мощами св. Понтиана, другую – на мраморном блоке), очевидно, существенно более старшие, чем тосканский пул, связанные с луккской церковью Свв. Якова и Филиппа. В рукописи Барони с каждым компонентом трехчастной надписи сопоставлена триада существительных – *Immensitas, Unitas, Veritas*. О наличии указанной триады в эпиграфической фиксации говорить достоверно едва ли возможно (скорее всего, в рукописи Барони находит отражение толковательная традиция более ранних источников автора), однако само сопоставление триады последовательно с каждым компонентом трехчастной эпиграфической надписи не противоречит ни возможному кораническому субстрату тосканской рецепции, ни тринитарному представлению о Божестве (аллюзия к Афанасиевому символу веры) в тосканской христианской среде-реципиенте [*Immensitas* – العظيم (Аль-Бакара 2:255, Аш-Шура 42:4, Аль-Вакиа 56:96) – *Immensus Pater, immensus Filius, immensus Spiritus Sanctus*; *Unitas* – الجامع (Али Имран 3:9), الواحد (Ар-Ра’д 13 : 16, Ибрахим 14 : 48, Сад 38:65), الأحد (Аль-Ихлас 112:1) – *Sed Patris, et Filii, et Spiritus Sancti una est divinitas; nec tres immensi, sed unus increatus, et unus immensus; unitas in Trinitate, et Trinitas in unitate veneranda sit; Veritas* – الحق (Аль-Ан’ам 6:62, Аль-Хаджж 22:16, Аль-Му’минун 23:116, Ан-Нур 24:25) – *Ego sum... veritas; Spiritus veritatis* (Ioa. XIV: 6, 17)].

Сопоставление указания Барони как отражения толковательной традиции с трехчастностью достоверно зафиксированных надписей тосканского пула позволяет с большей определенностью говорить о тринитарной семантической коннотации последних, объясняющей генезис графических форм букв А и L.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трехчастная надпись + *MVHVΛV + MVHVΛV + MVHVΛV* + зафиксирована двумя группами памятников: эпиграфически достоверным тосканским пулом из шести надписей и эпиграфически неподтвержденным идентичным пулом из двух надписей, связанным с луккской церковью Свв. Якова и Филиппа (пул известен по рукописи луккского эрудита XVIII века Бернардино Барони). Представляется рациональным интерпретировать оба указанных пула основываясь на кораническом субстрате (Аль-Кахф 18:39): *MVHVΛV* [*mahala*] – مَا شَاءَ اللَّهُ [*mā šā’ Allāh*] ‘То, что пожелал Аллах’. Графическая клишированность надписей тосканского

пула и повторяемость их расположения в зоне непосредственного обзора, у входа (наряду с оконными проемами и углами, в месте большей «уязвимости» здания), в сопоставлении с европейским вербальным и невербальным материалом, позволяют определить их назначение как апотропеическое и инвокативное, что не противоречит предложенному прочтению.

Последнее десятилетие VIII века на фоне обострения франко-византийских политико-династических и догматических отношений, а равно военной нестабильности на севере Пиренеев (между 777 и 801 годами), было отмечено активизацией каролингских контактов с багдадскими Аббасидами, в противовес кордовским Омейядам и Константинополю. Согласно ряду каролингских хроникально-биографических текстов, в 801 и 807 годах при каролингском дворе пребывали послы халифа Харуна ар-Рашида, принятые лично императором Карлом. По сообщению *Анналов франкского королевства*, в июне 801 года местом прибытия морем послов стала Пиза (*portum Pisas*); после пребывания при императоре, в конце 806 – январе 807 года, послы халифата были направлены Карлом в Италию для ожидания (*tempus navigationis expectare iussit*) сезона навигации (место отправления послов не названо, однако, весьма вероятно, им также был Пизанский порт). В свете указанных дипломатических контактов кораническое *MVHVΛV*, приобретшее *ad hoc* коннотацию каролингско-аббасидского политического сближения, могло стать предметом рецепции и медиации в Западной Тоскане через пизанское опосредование. В качестве возможного источника рецепции коранического *MVHVΛV* (с преобладающей апотропеической коннотацией) необходимо также отметить экономические и имущественные связи лангобардской элиты с Корсикой до середины VIII века и присутствие на острове выходцев из пизанской городской среды как минимум с середины VIII века [Renzi Rizzo, 2011, с. 72–74] в условиях исламских рейдов, затрагивавших также Сардинию.

Сведения, содержащиеся в рукописи Барони, позволяют относить перенос в Лукку мощей св. Понтиана к периоду между концом октября 800 и концом октября 801 года: указанная в рукописи дата 28 октября 901 года должна быть, очевидно, скорректирована в пользу 801 года, что отсылает к началу епископства Якова. Со значительной вероятностью, именно в начале его епископства как на свинцовом ящике с мощами св. Понтиана (перенесенными из Рима в конце епископства Иоанна), так и на мраморном блоке, помещенном в предалтарном пространстве луккской церкви Свв. Якова и Филиппа, была нанесена

надпись MVHVΛV. Она объединила в себе несколько семантических полей: визуализацию вектора императорской внешней политики в административном центре франкской Тосканы; инвокативную легитимизацию переноса мощей как элемент *translatio Urbis* (идеологической парадигмы, зафиксированной рядом текстов раннего и центрального Средневековья, утверждавшей возможность города-не-Рима быть Городом, равным Риму или превосходящим его); придание городскому пространству и пространству тосканской литорали апотропея, связанного происхождением с исламской средой и обращенного против основных зон исламской угрозы – Кордовского эмирата и эмирата Аглабидов. С меньшей вероятностью, в соотношении со сведениями рукописи Барони, рецепция коранического MVHVΛV через пизанское опосредование и с теми же семантическими коннотациями могла осуществиться после 807 года.

Пизано-исламское военное противостояние, но также дипломатическое и торговое взаимодействие XI – первой половины XII века составляют контекст, актуализирующий рецепцию коранического MVHVΛV. Так, надписи тосканского пула, обладая значением апотропея, подчеркивают вместе с тем торгово-дипломатическое значение и военно-стратегическое превосходство, ‘угодные Всевышнему’, демонстрируемые как свершениями оружия и дипломатии, так и архитектурным ландшафтом, с которым тосканский пул соотносится в пределах XII века (присутствие в палеографии тосканских надписей унциала и коммунального капиталиса не противоречит данной датировке). О преобладающем значении апотропея возможно говорить применительно к надписям, относящимся к пизанским церквям Сан-Фреддиано и Свв. Космы и Дамиана, а также к собору Сан-Кристофоро в Барге. В то же время Пизанские анналы Бернардо Марагоне позволяют отметить наличие надписей на стенах пизанского Баптистерия и собора Сан-Пьер Маджоре Пистойи в перспективе совпадения или сближения ряда дат в истории взаимодействия Пизы и исламского мира (в июне и августе 1114, 1134, 1161, 1167 года) с датами почитания святых Иоанна и Петра.

Наличие тосканского и луккского пула позволяет говорить о том, что рецепция затрагивала Западную Тоскану (не получая распространение на христианских Апеннинах за ее пределами, где исламское влияние проявлялось в апроприации арабских торгово-административных, юридических, редко теологических терминов, ограничено в ономастике, а также в интересе ряда эрудитов к переводу арабоязычных научных сочинений на латынь).

Данное обстоятельство необходимо объяснять меньшей дивергентностью и табуированностью

исламского компонента в генезисе в IX–XII веках синкретической пизанской культурной среды (обеспечивавшей значительную медиацию в Западной Тоскане): подтвержденной археологически со второй половины X века востребованностью элементов исламской (преимущественно аль-андалусийской) материальной культуры и инфильтрацией элементов нематериальной культуры (языка, символов, аллюзий, когнитивно-интерпретативных моделей).

В контексте участия исламского компонента в генезисе пизанской культурной среды необходимо упомянуть «плененные» арабоязычные артефакты как комплексное семантическое явление. Служащий военным трофеем артефакт с изначально прочитанной надписью доставлялся в Пизу; графика, полисемия, а также контекстная вариативность адресата сообщения делали артефакт носителем надписи с инвокативным и апотропеическим значением; встроенный в архитектурный ландшафт города артефакт, утратив связь с первоначальной средой происхождения, маркировал защищенность и превосходство городского пространства. Так, капитель второй половины X века андалусийского происхождения, располагавшаяся на крыше северной части трансепта пизанского Дуомо (в Музее творений Собора, инв. № 30), указанием имени своего создателя именovala Дуомо, ключевую часть городского архитектурного ландшафта, ‘творением победы’ (عمل فتح). Благословение – بركة, благоденствие – نعمة, ликование – غبطة, мир – سلامة, процветание – عافية, обетование счастья – سعادة – призывал на город, им обладающий, андалусийский грифон рубежа XI–XII веков, располагавшийся на крыше, над апсидой Дуомо (в Музее творений Собора).

Приведенные примеры позволяют очертить плоскости функционирования надписи MVHVΛV: со значительной долей вероятности воспринятая в контексте пизанско-исламского военно-дипломатического взаимодействия формула обрела эпиграфическую фиксацию; полисемия и контекстная вариативность адресата сообщения определили инвокативное и апотропеическое значение эпиграфической фиксации, что обусловило также специфику графики; введенная в городское пространство надпись MVHVΛV обозначила мощь и защищенность города как волю Божию.

Под пизанским влиянием эпиграфическая фиксация MVHVΛV приобрела распространение в ряде городских центров Западной Тосканы на протяжении XII века. Принимая во внимание свидетельство рукописи Барони, содержащее аллюзию к Афанасиевому символу веры, о начале рецепции коранического MVHVΛV в Западной Тоскане косвенно можно говорить не ранее первой четверти IX века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Guarducci M. La misteriosa iscrizione medievale di Pisa, Barga e Lucca // Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Rendiconti. 1959. Ser. VIII. Vol. XIV, fasc. 5–6. P. 216–224. Tav. I–IV.
2. Banti O. Simbolismo religioso e stilizzazione grafica in una iscrizione longobarda del secolo VIII // Banti O. Scritti di storia, diplomatica ed epigrafia / A cura di S. P. P. Scalfati. Pisa: Pacini Editore, 1995a. P. 21–38.
3. Arrighi G. La iscrizione criptografica di Lucca, Pisa e Barga // Rassegna periodica del Comune di Pisa. 1968. Vol. IV. # 4. P. 22–31.
4. Banti O. Epigrafi medievali pisane nel Museo Nazionale di San Matteo // Banti O. Scritti di storia, diplomatica ed epigrafia / A cura di S. P. P. Scalfati. Pisa: Pacini Editore, 1995b. P. 181–198.
5. Banti O. Monumenta epigraphica pisana saeculi XV antiquiora. Pisa: Pacini Editore, 2000.
6. Pasini D. Ancora sull'epigrafe con triplice invocazione all'arcangelo Michele // GRADUS. Rivista di Archeologia e di Restauro. 2015. Anno X. № 1. P. 18–24.
7. Vicari St., Perono Cacciafoco F. A Puzzling Religious Inscription from Medieval Tuscany: Symbolology and Interpretation // Histories. 2023. # 3. 219–230.
8. Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombard in the British Museum / Ed. by W. Wroth. London: Longmans and Co., 1911.
9. Grierson Ph., Blackburn M. Medieval European Coinage. Vol. I: The Early Middle Ages (Vth–Xth Centuries). Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
10. Renzi Rizzo C. La Toscana e il mare nelle fonti scritte dei secoli VIII–XI // I sistemi portuali della Toscana mediterranea. Infrastrutture, scambi, economie dall'antichità ad oggi / A cura di G. Petralia. Pisa; Ospedaletto: Pacini Editore. 2011. P. 59–80.

REFERENCES

1. Guarducci, M. (1959). La misteriosa iscrizione medievale di Pisa, Barga e Lucca. In Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Rendiconti. Ser. VIII. Vol. XIV, fasc. 5–6, 216–224, tav. I–IV.
2. Banti, O. (1995a). Simbolismo religioso e stilizzazione grafica in una iscrizione longobarda del secolo VIII. In Banti, O. Scritti di storia, diplomatica ed epigrafia. Ed. by S. P. P. Scalfati. 21–38. Pisa: Pacini Editore.
3. Arrighi, G. (1968). La iscrizione criptografica di Lucca, Pisa e Barga. In Rassegna periodica del Comune di Pisa, IV(4), 22–31.
4. Banti, O. (1995b). Epigrafi medievali pisane nel Museo Nazionale di San Matteo. In Banti, O. Scritti di storia, diplomatica ed epigrafia (pp. 181–198). Ed. by S. P. P. Scalfati. Pisa: Pacini Editore.
5. Banti, O. (2000). Monumenta epigraphica pisana saeculi XV antiquiora. Pisa: Pacini Editore.
6. Pasini, D. (2015). Ancora sull'epigrafe con triplice invocazione all'arcangelo Michele. GRADUS. Rivista di Archeologia e di Restauro, 1, 18–24.
7. Vicari, St., Perono Cacciafoco, F. (2023). A Puzzling Religious Inscription from Medieval Tuscany: Symbolology and Interpretation. Histories, 3, 219–230.
8. Wroth, W. (Ed.). (1911). Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombard in the British Museum. London: Longmans and Co.
9. Grierson, Ph., Blackburn, M. (2007). Medieval European Coinage. Vol. I. The Early Middle Ages (Vth–Xth Centuries). Cambridge: Cambridge University Press.
10. Renzi Rizzo, C. (2011). La Toscana e il mare nelle fonti scritte dei secoli VIII–XI. In Petralia, G. (Ed.), I sistemi portuali della Toscana mediterranea. Infrastrutture, scambi, economie dall'antichità ad oggi (pp. 59–80). Pisa; Ospedaletto: Pacini Editore.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вальков Дмитрий Вадимович

кандидат исторических наук, доцент

преподаватель кафедры вторых иностранных языков общеакадемического факультета РАНХиГС

доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка
факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valkov Dmitry Vadimovitch

PhD (History), Associate Professor
Lecturer at the Department of Second Foreign Languages of the RANEPA General Academic Faculty
Associate Professor at the Department of Phonetics and Grammar of the French Language
Faculty of French Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	23.01.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	06.02.2025	
	13.03.2025	